

Н.А. Мельников

РУССКИЙ КРЕСТ

Н. Мельников 1964 - 2006 г.

**Дорогие братья и сестры,
помяните в своих молитвах убиенного
раба Божия Николая.**

Н.А. Мельников

Русский Крест

Поэма о настоящем и грядущих
судьбах России

2008 г.

По благословению схиигумена отца Илия

В минувший трагический век Господь дал
народу нашему тяжкое испытание.

Из него вынесли веру даже те, кто
от рождения о ней не слыхивал
ни от родителей, ни от дедов своих.

Жажда чистоты душевной побуждает
молодежь искать веры в Бога, а старшее
поколение, на памяти которого все ужасы
безверия, и убеждать не надо.

Эта дорога поисков силы и смысла жизни
изложена в замечательной поэме

«Русский Крест»,

написанной светлым и певучим языком.

И не следует рассматривать поэму, как
историю жизни русской деревни.

Это жизнь всех нас, погибающих
в безверии, и из руин возрождающихся.

Нет, мы не можем умереть –
мы такой народ – русский, те,
кто живет на этой чудесной земле.

ПОСТАВЬТЕ ПАМЯТНИК ДЕРЕВНЕ

Поставьте памятник деревне
на Красной площади в Москве,
там будут старые деревья,
там будут яблоки в траве.
И покосившаяся хата
с крыльцом, рассыпавшимся в прах,
и мать убитого солдата
с позорной пенсией в руках.
И два горшка на частоколе,
и пядь невспаханной земли,
как символ брошенного поля,
давно лежащего в пыли.
И пусть поет в тоске от боли
непротрезвевший гармонист
о непонятной «русской доле»
под тихий плач и ветра свист.
Пусть рядом робко встанут дети,
что в деревнях еще растут,
наследство их на белом свете –
все тот же черный, рабский труд.
Присядут бабы на скамейку,
и все в них будет как всегда –
и сапоги, и телогрейки,
и взгляд потухший... в никуда.
Поставьте памятник деревне,
чтоб показать хотя бы раз
то, как покорно, как безгневно
деревня ждет свой смертный час.
Ломали кости, рвали жилы,
но ни протестов, ни борьбы,
одно лишь «Господи помилуй!»
и вера в праведность судьбы.

ГЛАВА 1

1

Ровно в полночь, торопливо
петухи прервали спор,
и изломанная ива
перестала бить забор.
Лунный свет во тьме рассеян,
тишина окрест звенит,
спит земля, и вместе с нею
спит село Петровский Скит.
Что налево, что направо –
ни души, ни огонька,
лишь в тумане, как отравы,
льется вкрадчиво река,
лишь мышинное гулянье
соберется у ворот,
да невнятное мерцанье
вдоль по кладбищу пройдет.
Под покровом тихой ночи
тени бродят без следа
и недоброе пророчат,
будто ждет людей беда.
Что вы тени расходились?
Не пугайте кратких снов –
эти люди утомились
и от бед и от трудов.

2

Местный сторож, однорукий
инвалид Иван Росток,
протрезвился и от скуки
кисло смотрит на восток.
Не спеша дымит махоркой,
сам себе бубнит под нос
о крестьянской доле горькой
про судьбу и про колхоз.
Что он видел в этой доле
за полста ушедших лет,
кроме пыли, кроме поля,
да картошки на обед?
Кроме плуга и навоза –
воровство и безпредел
председателей колхоза,
вот и весь его удел.
Что мечталось – не случилось,
что хотелось – не сбылось,
что имелось – погубилось,
пролетело, пронеслось.
И какую-то безпутной
жизнь представилась ему –
непокойно, неуютно
и на сердце, и в дому...
«Сын» потрепанной фуфайки,
«брат» изношенных сапог,
жил открыто, без утайки,
но без водки жить не смог.
Все отдаст из-за сивухи,
все сменяет на стакан

бывший пахарь, бывший ухарь,
ныне спившийся Иван.

3

За лесами, робко-робко
обозначился восход,
словно узенькая тропка
по которой день пройдет.
Разольется день с востока,
как из крынки молоко,
и от этого потока
станет просто и легко.
И когда пастух крикливый
уведет в луга коров –
встань, мужик,
и будь счастливый,
все забудь и будь здоров!
А пока что, среди ночи,
повздыхавши обо всем,
сник Иван, зажмурив очи,
и на миг забылся сном.
И на миг он стал спокоен,
и увидел он во сне,
как летел Великий Воин
на невиданном коне.
Оставляя за плечами
семицветную дугу,
он лучами, как мечами,
бил по страшному врагу.
В жуткой схватке
все смешалось

и исчезло, как пришло,
только радуга осталась
да родимое село.
К удивленью, вслед за этим
появились у окна
дом покинувшие дети
и покойница жена.
Хохоча, на лавку сели,
как немало лет назад,
как когда-то в самом деле
всей семьей сидели в ряд.
Хоть Иван, без них негретый,
Хоть Иван без них зачах,
дочки – ладно, дочки – где-то
при мужьях и при харчах.
Хоть ему с одной рукою
даже ужин не сварить,
значит, просто не достоин,
значит, так тому и быть.
Но жена! Свиданья с нею
долго ждал Иван Росток –
эти руки, эту шею,
этот выцветший платок
он лелеял от забвенья
в изболевшейся душе,
чтобы вымолить прощенье,
запоздалое уже...
Было ль, нет? Исчезли разом
воин, дочки и жена,
отогнав виденья сна,
о себе напомним разум.

Что? Куда? К чему конкретно
Применит свой вещий сон?
Для Ивана – безответно,
Не силен в разгадках он.

4

От восхода до заката
сам не свой ходил Росток,
будто слышал зов куда-то,
а куда – понять не смог.
Выпил меру самогона –
ни в какую не берет,
не берет и нет резона
заливать его в живот.
С кем тоскою поделиться,
получить в ответ совет?
Много лиц, но только – лица,
пониманья в лицах нет.
У людей одни заботы –
чтобы вовремя вспахать,
чтоб колхозные работы
со своими совмещать.
Посевная, косовица,
жатва – круглый год страда,
и нельзя остановиться,
льется время как вода.

ГЛАВА 2

1

Льется время... Век двадцатый
отплясался на стране,
и стоят все те же хаты,
поредевшие вдвойне.
В хатах тихо меркнут люди,
обнищавшие втройне,
и не знают, что же будет
в их деревне, в их стране.
Войны, ссылки, труд дешевый,
Принужденья и обман –
как тяжелые оковы,
крепко спутали крестьян.
Ни вздохнуть,
ни просветлиться,
на Москву – тяжелый взгляд,
словно враг засел в столице
и уничтожит все подряд...
но страшней, чем поражение,
хуже хаоса в стране –
злое, тихое вторжение
в душу русскую извне.
Постепенно, год от года,
все подлее и сильнее
заражение народа
грязью новых смутных дней!

2

Кто их звал? Газеты звали,
и теперь уж треть села
тех, кто долго разъезжали
в тщетных поисках угла.
Поначалу осмотрелись,
получили «стол и дом»,
и – понравилось, пригрелись,
но не стали жить трудом.
Словно мусор в половодье,
их несло, и принесло, –
непонятное «безродье»
в наше русское село.
Ничего им здесь не свято –
ни родных тебе могил,
ни сестры тебе, ни брата,
и живи, как раньше жил.
Раньше пил – и здесь не бросишь,
где-то крал – и здесь опять!
Что ты вспашешь? Что накосишь?
Не приучен ты пахать.
Как-то быстро и безопасно
мой народ к тебе привык,
и к твоим похмельям вечным,
и к повадкам, и язык
твой блатной не режет слуха,
и тебе же продает
полунищая старуха
самогон – и тем живет.
Но никто не ужаснется
и руками не всплеснет,

и безумью поддается
всеми брошенный народ.
Никого не удивляет
то, что даже бабы сплошь
по неделям запивают,
унося последний грош...
В плодородные уголья
заселяется сорняк.
Тихо делает «безродье»
то, чего не может враг.

3

Сколько ж это будет длиться –
молодой, в расцвете лет,
не нашел опохмелиться
и покинул белый свет?
И при всем честном народе
в борозду, к земле упал.
Был ты весел, всем угоден...
Но ушел... сгорел... пропал...
А вослед тебе, без счета,
души новые летят...
что потом, в конце полета?
Что там? Рай? Иль снова ад?
Неприкаянные дети,
без тепла и без царя,
вы помыкались на свете
и ушли. За так. Зазря.
Без креста, без покаянья,
и кому теперь нужны
ваши мысли и страданья,

ваши слезы, ваши сны?
Слез Россия не считает –
все века в слезах живет...
Но уже заметно тает
Несгибаемый народ.

ГЛАВА 3

1

Средь густых лесов посеян
за селом Петровский Скит
хутор деда Федосея
в одиночестве стоит.
Редко здесь бывают люди,
с давних пор заведено, –
только филин деда будит
только ель стучит в окно.
Нелюдимым, отрешенным,
без зарплат и без аптек,
по другим – своим законам
прожил он свой долгий век.
Про него судачат много,
языками зубы трут, –
или очень верит в Бога,
или он колдун и плут?
Ничего не зная толком,
кто-то брякнул, что не раз
дед прикидывался волком
и скулил в полночный час...

Как же глупо! – Федосея
в злых деяниях винить,
если вся твоя Расея
начинает к ночи выть.
От безвыходности полной
бьется в стену головой,
и несется в черный космос
тихий, скрытый, тяжкий вой.

2

День прошел. И почему-то –
лежа, глядя в потолок, –
вдруг решил сходить на хутор
опечаленный Росток.
Сон ночной его терзает,
сон покоя не дает.
– Может, дед хоть
что-то знает,
может, дед чего поймет?
Кубик – пес, душа родная, подскочил,
вильнул хвостом,
и, друг дружку охраняя,
в темный лес пошли вдвоем.
А в лесу, ну как живые –
то вздыхают, то скрипят,
вековые, смоляные –
сосны ноченьку не спят.
Перепуганная птица
из-под ног, взлетев, орет.
– Фу-ты, ё, – Иван храбрится,
бедный Кубик – чуть идет.

Наконец, и хутор. Вот он –
дом, а в доме – тусклый свет,
будто ждет и сам кого-то,
сам не спит столетний дед.
Приготовился для встречи –
двери настежь, свет в проем.
– Добрый вечер!
– Уж не вечер!
Заходите с Богом в дом!
Дверь закрылась за Иваном,
и в глаза ему глядит
дед в рубахе домотканой
с медным Спасом на груди.
Борода – белее мела,
Ясный взгляд из-под бровей...
И Иван глядит несмело,
как живет затворник сей.
Печь в побелке, всюду чисто,
все отмечено трудом,
и неведомый, душистый,
запах трав укутал дом.
Мирно теплится лампада,
ряд иконок в рушнике –
все по-русски, все как надо
и в избе, и в старике.
Отлегли с души тревоги,
все, как будто, ничего...
Молвит дед:
«Теперь с дороги
выпьешь чаю моего!»
Подает Ивану кружку,

И Иван, одной рукой,
поудобней взяв за дужку –
раз глотнул! глотнул другой!
Что случилось, непонятно,
но буквально с двух глотков
повернулась жизнь обратно –
в юность, в детство,
в глубь веков!
Вкус невиданный и редкий,
запах сотен, тысяч трав
уносил к далеким предкам,
душу трепетом объяв.
Не Россия – Русь Святая
открывалась все ясней,
благолепия являя
мужику из наших дней!
... И заныло, застонало,
болью сердце изошло –
вот чего оно искало!
Вот бы где себя спасло!
Но давно пути закрыты
В тот святой, забытый край, –
проживай, как раб забитый,
как собака умирай!
И сидит ошеломленный,
«обокраденный» Росток –
жил всю жизнь –
всего лишенный,
и не знал, чего не мог!
И не знал, какие силы
потерял народ его,

потому что хитро скрыли
в «Богоносце» – Божество.
Два глотка – такая малость,
трав целебных волшебство,
но в Иване не осталось
от Ивана ничего!

3

– Ты пришел просить совета, –
тихо начал Федосей, –
что придешь – я знал про это,
был мне знак на случай сей.
Коль ты здесь – то слово в слово
Слушай все, что знаю я...
Род твой, суть, – Петра Ростова,
от него пошла семья.
Кто он – мы уже не знали,
это тьма веков хранит,
но селу название дали
в честь него – Петровский Скит.
Говорят, что все Ростовы
ростом были велики,
лошадиные подковы
гнули эти мужики!
Толк в крестьянстве понимали,
жили Верой и трудом
и Отечество спасали,
если враг врывался в дом.
Божий Крест несли со всеми...
Кто же думал, что потом
изойдет Ростовых племя –

станет низеньким... Ростком!
Дед вздохнул. Иван смутился, низко
голову склонил,
А на улице томился
бедный Кубик. И скулил.
– Сон я видел...
– Разумею,
что Господь тебе явил
бой Георгия со Змеем –
бой святых и черных сил!
Прожил ты почти полвека
и не знал, что каждый час
бой идет за человека,
бой за каждого из нас!
Бой все явственней и злее –
Тьма на свет собирает рать,
но, когда повергнут Змея,
где ты будешь обитать?
Ты! Иван! Себя забывший!
Бивший бедную жену!
Никудышный, все пропивший,
Шел ты медленно ко дну.
Заплутался, загрешился,
но Господь тебя смирил, –
спьяну ты руки лишился,
той руки, которой бил!
Так теперь всю
жизнь влачиться
в одиночку куковать,
ни работать, ни креститься
и родных не приласкать...

4

Дед замолк. И сразу, с ходу,
будто палками побит,
дал Иван себе свободу –
по ребячески, навзрыд,
слезы лил, вздыхая тяжко,
в полный голос причитал,
и рукав его рубашки
очень скоро мокрым стал.
Под иконами рыдая,
не стесняясь никого,
никого не обвиняя,
лишь себя же самого –
голосил крестьянин русский,
вспоминая жизнь свою:
и жену в цветастой блузке,
и детей, и всю семью,
и отца, и мать, и деда,
страшный голод на селе,
и войну, и крик «Победа»
с липким хлебом на столе...
Голосил. Отголосился
и затих. А дед ему:
– Ты со всеми заблудился,
но спасаться – одному!
И теперь меня послушай –
сон тебе затем и был,
чтобы дар безценный – душу,
ты, Иван, не загубил!
Так исполни ж волю эту!
Проплутавши столько лет,

повернись, несчастный,
к свету
и иди, ползи на свет!
Крест взвали себе на плечи,
он – тяжел, но ты – иди,
чем бы ни был путь отмечен,
что б ни ждало впереди!
– В чем же крест мой?
Кто же знает?
На душе - один лишь страх!
– Все Господь определяет,
всякий знак – в Его руках.
Ты – пойдешь, и не пугайся
Ни судьбы, ни слов, ни ран...
Время близко. Собирайся.
Торопись. Иди, Иван!

5

– Время близко... Ангел вскоре
вострубит на небесах,
и на всем земном просторе
воцарится Божий Страх.
Потекут людские реки –
царь и раб – к плечу плечом, –
первый век –
с последним веком,
убиенный с палачом.
И в суровой Книге Жизни
все про каждого прочтет,
Тот, кто нас для жизни вызвал,
Тот, кто видел наперед.

И неверивший – поверит,
Проклиная, страсть и плоть,
и Господь ему – отмерит,
изречет ему Господь.
– Где ты был,
мой сын жестокий?
Я стучался в дверь твою.
Посылал к тебе пророков,
говорил про жизнь в раю,
исцелял тебя в болезни
и в печали утешал,
ждал тебя... но – бесполезно...
Звал тебя – но ты не внял.
За твою больную душу
на Голгофе был распят
и просил... но ты не слушал,
ты себе готовил – ад!
Ты прельщался красотой,
властью, славою земной,
ты смеялся надо Мною,
путь избрав себе – иной.
Ты презрел Мои страданья,
поселив в душе – разврат,
и грешил без покаянья,
и гордыней был объят.
Прожил – душу убивая –
для утробы, словно зверь,
ни молитв, ни слез не зная...
Что же хочешь ты теперь?

ГЛАВА 4

1

В каждый храм, при построеньи,
Бог по Ангелу дает,
и находится в служеньи
в новом храме Ангел тот.
Он, безплотный и незримый,
до скончанья века тут,
и крылом его хранимы
люди – Богу воздают.
И молитвы, и обряды,
и причастий благодать –
под его небесным взглядом,
хоть его и не видать.
Даже если храм разрушен –
кирпичи да лебеда,
воле Божией послушен
Ангел будет здесь всегда.
И на месте поруганья,
где безбожник храм крушил,
слышно тихое рыданье
чистой ангельской души.
И в мороз, и в дождь,
и в слякоть,
все грядущие года
будет бедный Ангел плакать,
вплоть до Страшного Суда.

2

Был когда-то храм Успенья
на селе Петровский Скит
полусгнившее строенье
до сих пор еще стоит.
Рухнул купол и приделы,
лишь бурьян да лебеда
в Божий храм осиротелый
поселились навсегда.
Как давно все это было,
позабыт и час и день –
приезжало, приходило
из окрестных деревень
в церковь множество народа,
и исправно службы шли
до семнадцатого года...
А потом усадьбы жгли,
и помещиков с попами
отправляли в «мир иной»,
пятилетними шагами
отмеряли рай земной.
«Счастья» вдоволь
нахлебались,
слез – мор`я, а не ручьи!
Так в итоге оказались
и ни Божьи, и ничьи.
Не земной, не рай небесный,
а смертельная тоска
воцарилась повсеместно
и скрутила мужика...

3

От колхозного правленья,
где Иван сторожевал,
в сотне метров – храм Успенья,
запустенье и развал.
По ночам в окошко часто
сам Иван смотрел туда
равнодушно, безучастно
и не думал никогда
ни про веру, ни про Бога,
только, может, вспоминал,
с кем, когда и как он много
возле храма выпивал.
Не отыщешь места лучше –
на пригорке у реки,
в будни, в праздник и с получки
дули водку мужики.
Жены к ночи их искали,
гнали с криком по домам:
– Хот бы церкву доломали,
чтоб вы меньше пили там!
Утихали споры, драки,
кратким был ночной покой...
И беззвучно Ангел плакал
Над безпутностью людской.

ГЛАВА 5

1

Над остывшею землею
плыл предутренный туман,
тихо брел тропой лесною
изменившийся Иван.

Старцем мудрым
потрясенный,
к жизни новой стал готов,
словно заново рожденный,
человек – Иван Ростов.

Непонятой, чудной силой
изгнан был с души дурман –
не во сне ль все это было?

– Не во сне, – шептал Иван.

Словом праведным согретый,
ощутил он Божий Страх,
и впервые в жизни этой
шел с молитвой на устах.

Пусть нескладно, неумело
смог ее произнести,

но наверх уже летела
просьба: Господи прости!

Стыд, раскаянье, тревога
и надежда жить опять...

Боже правый... Как же много
можно сразу испытать!

2

Лесом, садом, огородом,
не взглянув по сторонам,
в темноте, перед восходом
он вошел в свой
сельский храм.

Он вошел – и ужаснулся –
груды хлама, гниль, развал,
оступился, поскользнулся,
и... с размаху в хлам упал.
И о ржавый гвоздь - “двухсотку”
пол лица избородил,
кровь течет по подбородку.
Боль и стыд. И нету сил.
Дождь за стенами закапал,
зашумел, дохнул грозой,
а Иван – сидел и плакал,
и смывалась кровь - слезой.
– Где вы, прадеды и деды?
Где ты, род угасший мой?
Что ж мне в жизни
только беды?
Что ж я брошенный такой?
Поднимитесь-ка стеною
все родные мужики,
полюбуйтесь-ка строною,
храмом, внуком без руки! –
Вдруг Иван запнулся словом
и наверх свой взгляд вознес –
весь в крови,
в венце терновом,

на него смотрел – Христос...
Все ушло, что было рядом, –
Стены, звуки, хлам, разлад,
жизнь – исчезла,
стала взглядом,
только взгляд – и
встречный взгляд.
Первый раз за полстолетья
в этой жуткой пустоте
человека взглядом встретил
Бог, распятый на кресте.
Невозможным оказалось
взгляд от взгляда отвести,
и тисками сердце сжалось
в мысли: «Господи, прости!»
«Если я не умираю, –
смог Иван проговорить, –
стыд свой знаю,
грех свой знаю,
дай мне время искупить!
Нет руки, нельзя креститься,
дай же время хоть чуть-чуть,
и сумеешь убедиться,
что к Тебе лежит мой путь.
Не суди меня сурово,
если я по простоте
слишком прямо понял слово
о земном моем Кресте».

ГЛАВА 6

1

Дня на три, и больше даже,
из села Иван пропал...
Обнаружили пропажу –
ничего никто не знал!
Председатель в удивленьи:
как такое понимать?
Кубик топчется в правленьи,
а Ивана – не видать!
Посылал домой к Ивану –
на двери висит замок.
Может, помер где-то спьяну
непутевый мужичок?
Хлебанул стакан отравы
и загнулся втихаря? –
Обыскали все канавы,
все кусты. И все зазря.
Нет нигде... Опередила
всех иванова кума:
– Отыскался, вражья сила,
да беда – сошел с ума!
Председатель сел в машину,
полсела – смотреть бегом
на редчайшую картину –
как людей берут в дурдом!
Побросали все что можно,
прибежали стар и мал.

Только тихо, осторожно,
как бы он не осерчал.
И глазают во все щели:
Ну, чего он, буйный, да?
Бедный Ванька, неужели
к сумасшедшим навсегда?
Понависли виноградом
на забор и вдоль ворот,
председатель тоже рядом.
Не подходит. Смотрит. Ждет.
– Ваня-Ваня, после Клавы
безпросветно начал пить,
а мужчине без управы –
дважды-два с ума сойти!
– Ну, чего там? Что он, ходит?
– Да сидит, глядит во двор.
Ничего, спокойный вроде,
но в руке зажат топор!

2

Посреди двора лежала
пара бревен – два дубка.
Встал Иван, и для начала
Топором на них слегка.
Снял кору, зачистил ровно
И одной своей левшой
стал тесать он эти бревна,
силясь телом и душой!
Раз за разом тяжелее,
но мелькал, взлетал топор,
словно не было важнее

дела в жизни до сих пор.
Словно что-то дорогое
для себя Иван творил...
Обтесал – одно, другое,
хоть и выбился из сил,
хоть уже рука дрожала
и в ушах он слышал гул,
все ему казалось мало –
не присел, не продохнул.
Пропилил пазы ножовкой,
гвозди хитро зажимал
меж коленями и ловко
топором их в дуб вгонял...
А когда Иван поднялся,
весь народ качнулся с мест –
он устало улыбался,
сжав рукой огромный крест.
И вот тут толпа застыла –
что спросить и что сказать?
Может, хочет на могиле
крест у Клавы поменять?
Иль чего удумал спьяну –
может, руки наложить?
Председатель встал к Ивану,
понял – надо говорить.
– Мы тебя везде искали,
между прочим, все село
от работы оторвали...
Что ж, скажи, произошло?
И Иван не стал таиться,
крест к забору прислонил,

посмотрел в людские лица —
никого не пропустил,
и сказал:
— Родные люди!
Знаю вас не первый год.
Может, кто меня осудит,
может, кто и не поймет.
Если чем-то провинился,
то простите — грех бывал...
И народу поклонился,
и в молчаньи постоял.
— Не подумайте, что спьяну
я несу какой-то бред, —
пить теперь совсем не стану,
вы уж верьте или нет.
Что случилось, то словами
Передать я вряд ли б смог...
Просто понял, что над нами
был, и есть, и будет Бог!
Сколько было за плечами
и позора и стыда,
но ведь есть Господь над нами,
спросит Он, и что тогда?
... Дело каждого... Ну словом,
я хотел вас всех спросить —
может, церковь восстановим?
Может, станет легче жить?
И лишился дара речи
Петроскитовский народ,
В удивленьи сжались плечи —
Что с Иваном? Кто поймет?

Неужели так бывает?
Жил, ходил, и вот те на –
Церковь строить зазывает!
И не будет пить вина?
Поначалу – с подозреньем,
но тихонечко народ
уловил сердечным зреньем,
что Иван совсем не врет!
Что душевной теплотою
Все слова его полны,
что Иван – за той чертою,
где притворства не нужны.
– Чтобы стало все яснее,
расскажу вам, где я был –
был я аж у Архиерея,
с ним про церковь говорил.
Дал он нам благословенье
и сказал мне, что на храм
нужно власти разрешенье
и оплату мастерам.
Мастерам должны по праву
Сколько нужно – денег дать,
Чтобы церковь –
всем на славу,
чтоб века могла стоять!
... Коль доверите мне это –
все пройду, всю жизнь отдам,
по копейке, а до лета –
соберу на Божий храм.
Ну а власть? – Чего таиться!
Ей теперь на все плевать!

Ей задача – покормиться,
что же нам от власти ждать?
– как хотите, так живите,
стройте вы хоть минарет,
только денег не просите –
будет весь ее ответ...
Вот мое такое слово...
Нам – решать, коль все мы тут...
Отошел Иван, и снова
Тишина на пять минут.
Тишина. И как от боли,
крикнул ветхий старичок:
– Аль не русские мы, что ли?
Что тут думать? Прав Росток!
Сколько ж можно? В самом деле,
как же церковь не поднять? –
зашумели, загалдели,
стали предков вспоминать.
К председателю вопросы:
– Разрешит, не разрешит?
Тот, как мальчик, шмыгнул носом:
– Я и сам не кришнаит,
я, как все вы, здесь родился,
так чего мне против быть?
И Ивану б я решился
сборы денег поручить.
Что случилось с ним –
не знаю,
словно вижу не его...
Одного не понимаю,
крест дубовый – для кого?

ГЛАВА 7

1

Сколько странников ходило
и скитальцев по Руси!
Солнце ль голову палило,
дождь ли серый моросил –
шли, гонимые судьбою,
и в лаптях, и босиком,
то безлюдною тропею,
то проезжим большаком.
Шли с прошением в столицу
или с нищенской сумой,
богомалец шел молиться,
шел солдат с войны домой.
Каторжанин из Сибири,
погорелец без угла –
всем им крышей небо было,
и еда одна была, –
хлеб да лук, да чья-то милость,
да вода из родника...
Мало что переменилось,
хоть сменялись, шли века.

2

Есть бумага сельсовета,
что «Ростов Иван ведет
сборы средств на храм, и это –
поручил ему народ».

Мало ль что в пути случилось
поначалу и потом,
а бумага – выручала...
Так и шел Иван с Крестом.
Так и шел... а что за этим?
Что за фразою простой?
Пробуждался на рассвете
то в стогу, то под кустом,
в старом брошенном сарае,
в чистом поле, иль в лесу
с хрипом: «Боже умираю!
Не смогу! Не донесу!»
Вновь и вновь
шептал молитву,
целовал свой крест, просил,
словно воин перед битвой,
и терпения, и сил.
Знал, что нет назад возврата,
без Креста – спасенья нет,
коли тьмою все объято,
то иди, ползи на свет!
И неведомая сила
Просыпалась в нем опять,
боль из тела уходила –
можно - сесть,
и можно – встать.
И сухарь перед дорогой
В чистой луже размочить.
Вот и все! И слава Богу!
Если встал – то будешь жить!
Крест веревкой перетянут

через левое плечо,
снова версты дыбом встанут,
снова кровью истечешь,
снова рухнешь бездыханный...
Будешь жить? Не будешь жить?
Бедный Кубик – друг желанный
остается сторожить...

3

И пошла молва по свету,
и достигла разных мест,
что живет в народе где-то
человек, носящий крест.
Кто дивился, кто пугался,
кто не верил... Но потом
в душах тайно оставался
образ странника с Крестом.
Кто он? Что? Какой судьбою
Крест ему достался тот?
Как же он, с одной рукою,
и зачем тот Крест несет?
Одинок ли он? В себе ли?
Есть ли дети или нет?
Почему от так поверил
в Божий суд
под старость лет?
Как должно житье земное
человека изломать,
чтоб решиться на такое,
чтоб таким вот странным стать!
Или все не так случайно –

И какой-то смысл большой,
и неведомая тайна
управляют той душой?
Так Иван – Ростов от рода –
славу тихую снискал
и почтение народа –
хоть и сам о том не знал...

4

Он тогда не зал о многом –
проходя из дома в дом,
за забором, за порогом,
он встречал такой прием,
словно гостя дорогого
ждали здесь с десятков лет,
ждали праведного слова
среди пьянства, смут и бед.
Впереди молва катилась
про того, кто Крест несет!
– И у нас, у нас случилось!
К нам пришел – смотрите, вот!
Вот он, грязный и небритый,
Крест свой носит по дворам,
в каждый двор идет с молитвой,
собирает деньги в храм.
...И крестьяне – подавали
не скупясь, от всех щедрот,
хоть совсем не жировали,
а скорей – наоборот.
Просто каждому хотелось
дать Ивану этот грош:

не жилось теперь, не пелось,
пусть хоть будет храм – хорош!
– Нету счастья нам земного,
помолись, Иван за нас!
...И стоял Иван сурово,
видя взгляд просящих глаз.
– Я грешил на свете много,
а теперь вот сам молюсь...
Если все попросим Бога
за себя, за нашу Русь,
за грехи людские наши
и за весь позор и стыд,
неужели Он – откажет,
неужели – не простит?
В пояс кланялся, прощался,
Крест на плечи поднимал
и в дорогу отправлялся.
А куда – никто не знал...
Для людей Иван – не первый,
кто о Боге вел рассказ,
но... с такою крепкой Верой
все встречались в первый раз...

5

Уходя на две недели,
возвращался точно в срок,
ковыляя еле-еле,
под Крестом своим Росток.
Из забытых деревенок,
из неведомых краев
приносил немало денег

«сборщик средств» –
Иван Ростов.
Все по счету, без обмана
в сейф бухгалтер запирает
и подмигивал Ивану:
– Ты себе б хотя бы взял!
На глазах Иван серьезнел:
– Даже словом не греши!
Тут же боль людей и слезы
Во спасение души!
Не греши пусть даже словом!..
И шагнул в свой старый дом –
полусогнутым, суровым,
с собачонкой и Крестом.
Как он весь переменялся!
Несмотря на все труды,
обязательно постился –
в пост – сухарь, стакан воды.
Брови стали как-то строже,
и лицом прозрачней стал,
но глаза – теплей, моложе,
значит – дух не увядал!
Земляки его спешили
Обсудить накоротке:
– И откуда столько силы
в неказистом мужике?
Как он жив – никто не знает,
все с Крестом, везде с Крестом,
и ведь денег собирает –
скоро сейф набьет битком!
...Отнимаем – глянешь, к лету

Станем церкву возводить, –
и вздыхали:
– Боже-светы,
может, легче будет жить...
Весь Петровский Скит
гордился,
Что у них – не где-нибудь –
человек такой явился,
что избрал тернистый путь.
И они свой храм построят,
и молва про этот храм
облетела все просторы –
был со сказкой пополам.
И далеко слух гуляет,
что Ивана – Бог ведет,
и болящих исцеляет,
и покаяться зовет...

6
В сентябре,
в райцентр пришедши,
встал Иван с Крестом, с сумой
и услышал: «Сумасшедший!
Не позорь! Иди домой!»
Мимо люди шли в заботах,
щебетали воробьи,
а Иван вздохнул всего-то:
– Дочи! Доченьки мои.
И глядел в родные лица,
и хотел обнять, прижать,
но лощеные девицы

предпочли подальше встать!
И Иван обмяк, смутился:
– Что ж не ездите домой?
Я один... мне как-то снился
сон про вас... такой чудной...
И замолк...
К чему все эти
и слова и разговор, –
не его – чужие дети
на него глядят в упор!
И надменность у Наташи,
и у Таньки – едкий глаз.
– Ты иди домой, папаша,
не позорь, ей-Богу, нас.
Каблучками застучали
и в толпе исчезли вновь,
без слезинки, без печали.
Плоть его. Родная кровь.

7

Долго ждал Иван парома,
вспоминал всю жизнь опять...
...Был мужик, хозяин дома,
Клава с ним – жена и мать.
Были дочки – всем на славу.
Было счастье и покой,
и любил он нежно Клаву,
а потом... – случился сбой.
Городским бы можно было
и таиться и скрывать,
но село – всю трубило,

все про всех умело знать!
– Полюбила?
– Полюбила, –
молвит Клава без стыда.
Что Ивану делать было?
Начал пить. Пришла беда.
Сколько лет Росток хвалился
и семьей, и женой,
тут те на – пришел, явился
хахаль-махаль озорной!
Для начала разговора
мужика Иван побил,
и мужик уехал скоро –
знать, не сильно и любил.
Клава... Ладно... согрешили...
Но помиримся! Простим!
Все пойдет, как раньше было,
Ведь детей двоих растим!
Что? Чего ей не хватало?
Может, впрямь, любовь была?
Видел, чужал – тосковала,
изводилась – не жила.
Попривык Иван к стакану...
В поле раз собирал «валки»
На комбайне – шнеком спьяну
и оттяпал полруки...
Инвалид в неполных сорок...
Как тут жить, семью тянуть?
Что ни день – то драки, ссоры,
поломалось – не вернуть!
И рвалась душа на части,

есть семья, и нет семьи,
крыша есть – уплыло счастье,
отсвистели соловьи...
Умерла, угасла Клава,
дочки в город подались...
кто тут правый? Кто не правый?
Вот попробуй разберись...

...Долго ждал Иван парома,
Переехал. Крест взвалил
и опять от дома к дому
ковылял. На храм просил.

ГЛАВА 8

1
В ноябре, на Златоуста,
Завелась метель к ночи.
На селе темно и пусто,
все по хатам, у печи.
А метель свистит, дуреет,
Воет, ставнями скрипит,
хорошо, что печка греет!
Спи в тепле. Спокойно спи!
И уже поближе к ночи
сквозь привычный этот вой

одинокий, страшный очень
появился вой другой.
Или волчий, иль собачий –
Заунывно, тяжело,
да не вой – а кто-то плачет,
душу рвет на все село.
Жутковато. Темень. Полночь.
Ветер. Вой. Метель. Луна.
Но никто не звал на помощь –
знать, балует сатана...
Лишь назавтра, утром рано,
возле церкви у берез
набрили на труп Ивана...
Рядом Крест и мертвый пес...
И глядело исподлобья
все село без слез и слов –
Кто? Зачем? За что так подло?
Чем? Кому мешал Ростов?
...Взгляд открыт. На шее – рана.
Сумка. В сумке – ни гроша...
Расходитесь. Нет Ивана.
Отошла его душа.

2

На столе, в своем же доме,
он лежал помыт, побрит,
их земляк, давно знакомый
однорукий инвалид.
Как положено, одели –
кто костюм, кто туфли дал.
Свечи тонкие горели.

Дед в углу Псалтырь читал.
На колхозной пилораме
гроб добротный сделан был.
Дочкам дали телеграммы:
«Ваш отец Иван – почил».
Рядом с Клавиной могилой
И ему приют нашли,
но, с трудом, ломами били
комья мерзлые земли.
И готовятся поминки,
и струится дым печей,
и летят ничьи снежинки,
и лежит Иван – ничей.
И нигде не видно пьяных, и погода
хороша...
...Только страх – не из Ивана,
из села ушла душа...

3

Так Петровский Скит веками
никого не хоронил,
лишь сейчас узнали сами –
кем Иван при жизни был!
К погребенью, на прощенье,
был в село такой поток,
словно всем пообещали
выдать золота кусок.
Но не золота химера
привела поток людей,
А святая Божья вера
и Иван, окрепший в ней.

С ним прощались, целовали;
бабы, старцы, малыши
сами свечи зажигали
на помин его души.
...Дед один спешил открыться:
– Я за сына как-то раз
попросил его молиться.
Он молился. Сына – спас...
Уж изба не уместала
всех желающих людей,
но толпа ждала, стояла...
Значит – надо было ей.

4

В город съездили, просили –
хоть бы батюшка отпел!
Тот приехал. На могиле,
Как того обряд велел,
«Живый в помощи» звучало,
и каноны, и псалмы,
чтоб душа не тосковала,
чтоб спасти ее от тьмы.
Отпевание. Прощанье.
Как когда-то в старину...
И стоял народ в молчанье,
думу думая одну:
– Как же все
случилось странно:
тьма народа, свой народ,
все пришли почтить Ивана –
кто глядит, кто слезы льет.

Чем собрал он их едино?
Не велик, не знаменит,
Петроскитовский мужчина,
однорукий инвалид?
Вся Россия – у Ивана!
Вся, какая есть теперь –
что устала от обмана,
что устала от потерь,
что детей рожать не хочет,
что съедаема тоской,
что безудержно хохочет,
там, где рядом дикий вой,
что, как нищенка по свету,
ходит, кланчит на жительство
и подняться – силы нету,
будто сглазили ее.
– Как она, страна святая,
вдруг смогла такую стать?
Незаметно увядая,
все теряя – мощь и стать!
И дрожат в своей Отчизне
под ударами судьбы
без огня, без жажды жизни
не хозяева – рабы!
Потому молчат упорно,
что объял великий стыд
перед тем, кто так покорно
со свечой в гробу лежит!
Потому что силой воли
человек – Иван Ростов –
выбрал сам свою же долю,

свой последний путь с Крестом.
Потому что силой Веры
Всем внушил – спасенье есть,
Потому что вспомнил первый
Бога, Русь и предков честь!

5

Крест ему установили
Тот, что он носил с собой...
Вот и все. Похоронили.
Путь закончился земной.
От обряда погребенья –
путь тернистый к небесам
и надежда на спасенье...
А народу – строить Храм.

.....

...Снег пошел. Совсем стемнело,
разошлись с могилы все,
и стоял в рубахе белой
одинокий Федосей.

ЭПИЛОГ

По весне, лишь снег растаял,
только высохла земля,
стали миром церковь ставить.
От фундамента. С нуля.
А в России все с начала
не впервые начинать –
истреблялась, исчезала,
а потом, глядишь, опять,
из-под пепла, из-под праха,
где чернела пустота,
после крови, после краха,
вырастала – Красота...
Освятили место храма,
помолились и пошли,
загудела пилорама,
камни, доски привезли,
лес везли, раствор месили
прямо с раннего утра,
а за всем трудом следили
дел церковных мастера.
Поработают, устанут –
отдохнут, попьют воды
и всегда Ростка помянут,
вспомнят все его труды –
сколько верст по бездорожьям
проходил он – кто сочтет?
Но что всех трудов дороже –
свой народ – собрал в Народ!

...А убийц его сыскали –
шаромыгам на стакан
не хватало и отняли
деньги те, что нес Иван.
И убили без зазрения,
и не дрогнула рука...
Ждать ли им теперь прощенья
за невинного Ростка?

.....

Если вам когда случится
Скит Петровский посещать,
вся постройка завершится,
будет храм уже стоять!
Вы зайдите! Не ленитесь!
Свеч купите восковых,
за Ивана помолитесь
и за всех, за всех других
православных наших братьев,
кто в родную землю лег...

Для молитвы неба хватит,
Потому что в небе – Бог!

+ + +

Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев)

ОЧНИСЬ РУССКИЙ НАРОД!

«У национальной России есть враги... Они появились не со вчерашнего дня, и дела их всем известны из истории», – писал в 1949 году знаменитый русский философ Иван Ильин, пытаясь осмыслить бурные события русской жизни последних десятилетий. К сожалению, многие годы скорбей и неопикуемые страдания народа потребовались русской интеллигенции для того, чтобы осознать трагедию революции, о возможности которой Русская Церковь предупреждала задолго до катаклизмов 1917 года.

Еще 20 февраля 1905 года на проповеди в Исаакиевском соборе Санкт-Петербурга авторитетнейший русский архипастырь – епископ Антоний Храповицкий предупреждал: «Все слои общества под воздействием культуры еретического Запада, как голодные волки, требуют себе всяких прав и льгот. В случае, если Россия поддастся этим губительным соблазнам, – продолжал святитель, – русский народ будет несчастнейшим из народов... Россия распадется на множество частей, начиная от окраины и почти до центра, наши западные враги бросятся, подобно коршунам, и обрекут ее на положение поработенной Индии и других западно-европейских колоний».

«Не забывай же о них, русский народ, – взывал преосвященнейший владыка Антоний, – берегись

богохульников, кощунников, мятежников, желающих оторвать тебя от вечной жизни, от Царствия Христова». На нашу беду, похоже, справедлива та поговорка, которая говорит, что история «учит лишь тому, что она ничему научить не может». Русская духовность и русская государственность пережили десятилетия тяжелейших испытаний, но сегодня, когда решается судьба России, наши беззаботность и нерасторопность порой превосходят все мыслимые границы.

«Полноте, да есть ли у России враги?» – твердят люди, одураченные лживой пропагандой, лишенные правильного образования, непредвзятой информации и здравого нравственно-религиозного мировоззрения. Поскольку Церковь сегодня осталась последним оплотом истинной, неискаженной духовности, последним бастионом нравственного здоровья народа, последним выразителем русского самосознания, не изуродованного идолопоклонничеством перед фальшивыми "общечеловеческими" ценностями, – необходимо, как видно, чтобы именно из-за церковной ограды прозвучал отрезвляющий и вразумляющий голос.

Да – к великому сожалению, у нас есть враги. Да – сегодня лишь слепец или провокатор может утверждать, что все ужасы и беды, терзающие нашу Родину уже много лет подряд, есть результат «естественного течения событий» или плод «ущербного русского менталитета». Да – противостоящие России силы обладают огромной экономической, финансовой, военной и политической мощью.

Так что же делать? Прежде всего – осознать правду таковой, какова она есть на самом деле. И спокойно, не впадая в панику или в неоправданное благодушие, осмотреться, определить ближайшие задачи и цели.

Что будем возрождать?

К сожалению, современные понятия о путях возрождения России отличаются крайней запутанностью и противоречивостью. Похоже, мы никак не можем решить, чего же хотим достичь? Что будем возрождать?

Россия... Святая Русь... Дом Пресвятой Богородицы... Что стоит за этими именами?

Не разобравшись в том, каково действительное, непридуманное содержание тысячелетней русской истории, в том, чем была Русь в собственных глазах и пред лицом Божиим, не устраним и нынешний пагубный разброд в среде русских патриотов.

Россия есть государство народа русского, которому Господь вверил жертвенное, исповедническое служение народа-богоносца, народа – хранителя и защитника святынь веры. Этими святынями являются религиозно-нравственные начала, позволяющие строить жизнь личную, семейную, общественную и государственную так, чтобы воспрепятствовать действию зла и дать наибольший простор силам добра. Именно таким было исторически сложившееся самовоззрение россиян. Это – основа основ русского самосознания в том виде, в котором

сформировали его десять веков отечественной истории. Оно столетиями лежало в основании государственной политики Русской державы. «Русская история поражает необыкновенной сознательностью и логическим ходом явлений», – писал К.С. Аксаков более 130 лет назад. В угоду сегодняшним идеологическим штампам мы часто забываем об этой осознанности, невольно возводя хулу на своих предков, подверстывая их высокую духовность под наше нынешнее убожество.

Кто на протяжении тысячи лет ковал и пестовал негнибемый дух русского патриотизма? Церковь Православная! Кто вдохновлял отважных и укреплял малодушных, освящая дело защиты отечества как личный религиозный долг каждого, способного носить оружие? Кто научил русского человека быть верным – без лести, мужественным – без жестокости, щедрым – без расточительства, стойким – без фанатизма, сильным – без гордости, милосердным – без тщеславия, ревностным – без гнева и злобы? Церковь Православная!

Разве это католические прелаты набатом поднимали новгородское ополчение на брань с псами-рыцарями и подавали последнее духовное напутствие дружинникам святого благоверного князя Александра Невского на залитом кровью льду Чудского озера? Разве это протестантские пасторы вдохновляли святую ревность великого князя Дмитрия на поле Куликовом, где страшная сеча с татарами решала: быть или не быть Святой Руси?

Разве это мусульманские муллы удержали нашу Отчизну от распада в лютую годину Смуты,

подвигнув Козьму Минина и Дмитрия Пожарского на их жертвенный подвиг, а ратников русского ополчения – на борьбу до победы? Разве это иудейские раввины под свист японской "шимозы" поднимали в атаку преданные, смертельно уставшие роты под Мукденом и Порт-Артуром, спасая русскую честь от позора?

Разве это кришнаиты с буддистами на протяжении тысячи лет ежедневно, сосредоточенно, неспешно и благоговейно возносили ко Господу молитвы о «богохранимой» Земле русской, «властех и воинстве ея», отдельным молитвенным чинопоследованием поминая «вождей и воинов, за веру и отечество живот свой на поле брани положивших»?

Многие ли из вас смогут вспомнить сегодня хоть один случай, когда иноверцы и инославные – будь то католики или иудеи – в трудный для России час делом доказали ей свою верность, до конца разделив ее неласковую судьбу? Зато противоположных примеров в русской истории – сколько угодно!

Горько, ох горько писать эти слова: славная история Отечества нашего искажена и забыта, ее духовный смысл извращен и оболган! Очнитесь, русские люди! Неужели вы не чувствуете, как подло, цинично и жестоко обманывают вас, лишая Родины и веры – державной опоры в борьбе с внешним злом и небесной врачевательницы внутренних недугов душевных?

Братия и сестры, вспомните – ведь это блаженный митрополит Кирилл, духовный наставник и сотрудник Александра Невского, рука

об руку с князем отстаивал родную землю от Востока и Запада, от татарских орд и крестоносцев!

Это святой преподобный Сергей, игумен Радонежский, благословил Дмитрия Донского на Куликовскую битву, предрек князю победу и – как зримый образ участия Церкви Русской в борьбе за свободу Родины – дал ему двух иноков-воителей, Пересвета и Ослябю, павших в сече на донских полях рядом с безчисленными и безвестными русскими ратниками, шедшими на смерть за веру и отечество, защищая Святую Русь от господства "поганых"!

Это священномученик патриарх Гермоген – седой, немощный, умирающий от голода в польском застенке – своим властным архипастырским призывом поднял с колен погибающую от склок и междоусобиц страну, устыдил малодушных, ободрил растерянных, собрал воедино всех, жаждущих выволить Русскую землю из иноземного, иноверческого плена!

Это святой праведный отец Иоанн Кронштадский, всероссийский молитвенник и чудотворец, грозный обличитель "либералов" и "демократов", до последнего своего вздоха не умолкал, предупреждая русский народ о губительности равнодушия к вере, о пагубных последствиях этой духовной заразы равно для жизни церковной и государственной!

Церковная основа русского бытия сокрыта в самом сердце России, в самых глубоких корнях

народного мироощущения. Говорю об этом столь подробно, дабы стало ясно: то, что хотят "возродить" люди, отвергающие православную духовность и Церковь, не есть **Россия**. Вполне допуская их личную благонамеренность и честность, надо все же ясно понимать – такой путь ведет в тупик. Лишенное религиозно-нравственных опор национальное самосознание либо рухнет под напором космополитической нечисти, либо выродится в неоправданную национальную спесь. И то, и другое для России – гибель.

Не видеть этой опасности может лишь слепой.

"Патриоты", клянущиеся в любви к России-матушке и одновременно отвергающие Православие, любят какую-то другую страну, которую они сами себе выдумали. "Патриотическая" печать, призывающая к русскому возрождению и одновременно рекламирующая на своих страницах "целителей" и экстрасенсов, астрологические прогнозы и колдунов, оставляет впечатление отсутствия простейшего национального чутья.

В этой ситуации все мы похожи на человека, который разрушает левой рукой то, что с великим трудом создает правой. Лишь признание той очевидной истины, что вопросы русского возрождения – это вопросы религиозные, позволит нам вернуться на столбовую дорогу державной российской государственности. Здесь – ключ к решению всех наших проблем.

+ + +

